

А.А. Хустенко, Н.А. Мишанкина

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЮРИСТОВ: НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90049\20.

Ставится вопрос о границах профессионального юридического дискурса. Анализ текстов, опубликованных в социальных сетях (в том числе интернет-мемов), позволил выявить параметры, определяющие эти тексты как часть неофициального юридического дискурса. Установлено, что модель профессиональной коммуникации юристов реализуется в неофициальной коммуникации неполно – на основе принципа «фамильного сходства», что позволяет говорить о прототипической организации дискурса в целом.

Ключевые слова: профессиональный дискурс; профессиональный юридический дискурс; неофициальный юридический дискурс; дискурс-анализ

Постановка проблемы исследования

Профессиональная коммуникация, как социальная практика, занимает особое место в жизни каждого человека, ведь именно так максимально реализуется его социальность. В современном мире эта деятельность представляет собой базовую самореализацию человека и, соответственно, профессиональная речь составляет значительную часть речевой продукции в целом. Вместе с тем профессиональная коммуникация как отдельная дискурсивная область только начинает изучаться. И здесь, как представляется, стоит целый ряд проблем как общего, так и более частного свойства. Обозначим их.

Современные представления о речевой деятельности основаны на работах, в соответствии с которыми конструирование дискурсивных практик и идентичностей является продуктом социальной деятельности (М. Фуко, В. Барр, К. Герген, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Р. Водак, Л. Филиппс, М.В. Йоргенсен).

Вместе с тем далеко не все дискурсивные области попадают в фокус внимания исследователей. Профессиональная коммуникация, с одной стороны, вызывает интерес ученых на протяжении нескольких десятилетий и является объектом исследования таких областей науки, как психология, социология, социолингвистика, дискурс-анализ. Лингвистика же обращает внимание в первую очередь на ядерную зону – профессиональный язык – и активно исследует терминосистемы.

Дискурсивный аспект профессиональной деятельности привлекает внимание лингвистов только в последние два десятилетия. Его изучению посвящены работы ряда западных ученых: С. Саранги и Ч. Робертс [1], М. Готти [2], П. Дрю [3]. Функциональный подход отражен в работах П. Линелл [4], Е. Мертц [5], К. Конг [6] и др.

Интерес к дискурсивному аспекту профессиональной коммуникации можно отметить также и со стороны российских исследователей Л.С. Бейлисон [7], Е.И. Головановой [8], А.П. Наумовой [9], Ч.В. Биче-оол [10]. Основываясь на функциональном подходе, Л.С. Бейлисон определяет профессиональный дискурс «как общение специалистов между собой или с теми, кто к ним обращается для получения консультации

либо профессиональной помощи» [7. 145]. Социолингвистический и коммуникативно-действенный подходы обусловили определение профессионального дискурса в исследованиях Е.И. Головановой как «вербально опосредованную коммуникацию, как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения. Профессиональный дискурс представляет собой род институционального, или социально-ориентированного, дискурса» [8. С. 32]. Подобным образом определяет профессиональный дискурс Ч.В. Биче-оол [10. С. 27]. А.П. Наумова фокусируется на параметрах институциональности профессионального дискурса [9]. Однако во всех приведенных исследованиях профессиональный дискурс противопоставляется непрофессиональному на основании отсутствия компонентов институционального (=профессионального) дискурса [10. С. 28].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что большинство исследователей соотносят понятие профессионального дискурса лишь с совокупностью произведенных текстов в рамках исследуемого ими профессионального сообщества, ограничиваясь лишь изучением особенностей речи профессиональных сообществ. В редких случаях учитываются экстралингвистические, коммуникативные и прагматические параметры профессионального языка. Профессиональное сообщество рассматривается в узком смысле как сообщество, вписанное в рамки института, что определяет понимание профессионального дискурса как сугубо институциональной формации. При этом существенными дискуссионными вопросами остается проблема границ профессионального дискурса (как, впрочем, и границ дискурсов в целом!).

С другой стороны, открытость вопроса о статусе профессионального дискурса влечет за собой существование многочисленных определений этого понятия и отсутствие однородных критериев в его описании. П. Линелл [4] предлагает трехмерную модель для представления его организации: 1) внутрипрофессиональный дискурс осуществляется в рамках конкретной профессии, например общение между юристами,

инженерами; 2) межпрофессиональный дискурс – это взаимодействие представителей разных профессий, например общение между врачами и продавцами фармацевтических препаратов или между бухгалтерами и инженерами; 3) профессиональный дискурс – общение между субъектами и объектами дискурса: инженерами и потребителями технологий, юристами и их клиентами [6. С. 3].

Однако, рассуждая о статусе профессионального дискурса, Л.С. Бейлисон утверждает, что «профессиональный дискурс в определенной мере пересекается с институциональным, но весьма распространенной является ситуация, когда профессионалы хорошо знакомы между собой и общаются неформально, тем не менее, ведя речь на профессиональную тему» [7. С. 145]. Автор выделяет следующие параметры профессиональной речи: 1) профессионально осмысленная предметная сфера; 2) инструментарий; 3) профессиональные оценки качества работы; 4) профессионально маркированные стратегии коммуникативного поведения; 5) профессиональная самопрезентация. Более широкое понимание профессионального дискурса принадлежит Ю.С. Елагиной, которая предлагает включить в него любую по своей форме и тональности коммуникацию между специалистами [11. С. 51]. Параметрами установления границ неофициального дискурса в рамках социолингвистического подхода, по мнению Ч.В. Биче-оол, являются: отсутствие типичных событий, типичных участников, хронотопа, а также в неофициальном дискурсе «не подтверждены статусные отношения, не соблюдаются официально принятые нормы коммуникации, или регламент, и традиционные формы общения» [10. С. 28].

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о статусе неофициальных профессиональных дискурсов остается нерешенным. Несмотря на то, что исследование профессиональных языков было начато достаточно давно, неофициальная профессиональная коммуникация представляет собой наименее разработанную область. Немногочисленные исследователи этой области решают его по-разному. Отдельные попытки исследования неофициальной коммуникации в русских профессиональных дискурсах представлены в работах О.В. Фельде, Д.В. Казаковой, Е.В. Воеводы, Э.В. Абрамовой, И.И. Орловой, А.В. Алексеевой, О.В. Полевой.

О.В. Фельде, рассуждая о категории комического в профессиональной коммуникации, выделяет стилистические регистры и относит неофициальную разновидность к нижнему [12]. Д.В. Казакова, исследующая медицинский дискурс, разграничивает язык специальных целей и социальное измерение, связанное с профессиональной деятельностью. Кодифицированная разновидность соотносится с официальной коммуникацией, а профессиональный субстандарт, включающий *профессиональное просторечие и жаргонизированное профессиональное просторечие*, соотносятся, соответственно, с полуофициальным и неофициальным общением. «Неофициальная профессиональная речь медицинских сотрудников обслуживается профессиональным просторечием, доминантными единицами которого являются профессионализмы (в

том числе и стилистически нейтральные). Кроме того, в этой форме возможны единичные вкрапления профессиональных жаргонизмов» [13].

В рамках нашего исследования мы обращаемся к материалу одного из институционально оформленных профессиональных дискурсов – юридическому. Поэтому представим историю его изучения более подробно. Юридический дискурс (ЮД) изучается с позиций когнитивного (Л.В. Колесникова), социолингвистического (М.Н. Федулова, О.В. Косоногова), коммуникативно-деятельностного (Л.А. Борисова, А.В. Чернышев), культурологического подхода (Е.А. Кожемякин), дискурс-анализа (А.В. Богатырева и М.В. Коновалова) и др. Предложенные в указанных выше работах определения ЮД можно обобщить следующим образом: ЮД – это институциональный дискурс, цель которого состоит в регулировании общественных отношений, а участники действуют в соответствии со статусными ролями.

Работа Л.В. Колесниковой посвящена проблемам категоризации и концептуализации юридического знания [14]. В работах М.В. Коноваловой и А.В. Богатырева рассматривается специфика реализации в юридическом дискурсе категорий когерентности и интертекстуальности [15, 16]. В основе определений и принципов описания юридического дискурса в большинстве исследований лежит алгоритм, разработанный В.И. Карасиком: 1) участники; 2) цели; 3) ценности; 4) стратегии соответствующего типа дискурса; 5) подвиды и жанры; 6) прецедентные (культурогенные) тексты и дискурсивные формулы [17. С. 33]. Однако во многих работах данная модель применяется лишь частично. В исследовании Е.А. Кожемякина нашли отражение только некоторые параметры участники, цель, ценности, стратегии, прецедентные тексты. Новыми критериями выступают функции, описание деятельности, язык [18]. В работе М.Н. Федуловой отражены такие параметры, как участники, ценности, жанры, прецедентные тексты [19]. Дифференцирующими критериями в статье О.В. Косоноговой выступают: статус участников, цель, место общения [20]. Наиболее полно и последовательно анализ ЮД реализован в исследовании Л.А. Борисовой, которая выделяет следующие категории: участники ЮД – государство и граждане; хронотоп – обстановка, характерная для правового диалога; цель – урегулирование правоотношений посредством применения правовых норм; ценности выражены в его базовых концептах: «право» и «закон»; стратегии – формулирование правовой нормы, ее применение на практике и ее истолкование. Тематику ЮД автор соотносит с отраслями права. Вопрос интертекстуальности в ЮД автор решает сугубо через призму юридических понятий, таких как тексты конституции страны, кодексы, международные декларации и конвенции. Дискурсивные формулы разнообразны и обусловлены жанровыми особенностями [21. С. 135–141]. В исследовании А.В. Чернышева для описания ЮД используются другие параметры: а) сфера функционирования – область права; б) тема и ведущий мотив юридического дискурса – содержание закона и соответствие закону того или иного рассматриваемого события; в) коммуника-

тивная направленность юридического дискурса – регулирование общественных отношений; г) общая когнитивная специфика юридического дискурса – примат фактов над ценностями [22. С. 27]. В работах И.В. Палашевской и О.А. Крапивкиной представлено описание жанровых особенностей юридического дискурса [23, 24]. Наиболее комплексное исследование, с точки зрения анализируемых источников и интегрированного подхода к изучению ЮД, представляет собой работа Т.Н. Хомутовой и Е.А. Шефер [25].

Анализ научной литературы, посвященной ЮД, позволяет сделать вывод, что неофициальные формы коммуникации юристов еще не выступали объектом лингвистического анализа. Однако изменение социальных параметров, развитие дистанционных технологий, ведущих к новым формам профессиональной коммуникации, являются решающими факторами, влекущими значительные изменения в строе дискурсов [26–28]. В профессиональной среде активно развивается неофициальный профессиональный дискурс, о чем свидетельствует большое число профессиональных групп и сообществ во всех социальных сетях. Это непосредственно касается и юристов. Например, поиск сообществ по запросу «юрист» в социальной сети «ВКонтакте» обнаруживает 35 499 таковых. Как и всякое новое явление, неофициальный дискурс юристов нуждается во всестороннем изучении. Наблюдение над эмпирическим материалом, отражающем коммуникацию в интернет-среде, показывает, что в профессиональных сообществах неофициального типа, например в сообществах социальных сетей, профессиональных форумах, наблюдается коммуникация типичных участников дискурса, а содержанием коммуникации выступают типичные события. Исследование ставит целью ответить на ряд наиболее остро стоящих вопросов. Какова связь между неофициальным профессиональным дискурсом и соответствующим профессиональным? На каких основаниях можно его типизировать и каковы параметры его описания?

Цель настоящего исследования состоит в описании корпуса текстов интернет-коммуникации, функционирующих в профессиональных группах и личных профилей юристов в социальных сетях, как части неофициального юридического дискурса (далее НЮД).

Выделение НЮД как части профессиональной коммуникации юристов составляет гипотезу исследования, основанную на наблюдении о существующем сходстве между текстами неофициального юридического дискурса и текстами соответствующего профессионального дискурса. Эти тексты, на наш взгляд, несмотря на существенные различия в плане выражения, соотносятся на уровне общности когнитивной модели дискурса юристов. Мы полагаем, что достаточным условием для квалификации высказывания как НЮД является знаковая реализация части параметров юридического дискурса по принципу «фамильного сходства» [29. С. 31–34] и, в целом, считаем, что можно говорить о «прототипической организации» юридического дискурса [29. С. 68–69].

Методология, методика и модель анализа

Все исследователи при выделении неофициального профессионального дискурса отталкиваются от

дифференциальных признаков соответствующего профессионального дискурса. Однако определение в качестве дифференцирующих текстовых, стилистических, жанровых и собственно языковых характеристик, например факт использования терминов ЮД в соответствующем неофициальном дискурсе, не выдерживает верификации, поскольку указанные параметры выступают наименее устойчивыми и выражаются в каждом высказывании в различных комбинациях.

Опираясь на представленные теоретические источники, разработанные в рамках социально-конструктивистского и критического дискурс-аналитического подходов [30–33], профессиональный дискурс в настоящем исследовании будет интерпретирован как когнитивная модель, отражающая экстралингвистические параметры и реализующаяся в форме профессиональной практики, включающая совокупность вербальных и невербальных высказываний, которая конституирует профессиональную среду и конституируется в других профессиональных практиках. Целесообразным для определения критериев разграничения официальной и неофициальной профессиональной коммуникации видится обращение к теоретическим аспектам дискурс-анализа, разработанными Т. ван Дейком, в частности обращение к когнитивным моделям в понимании языка и дискурса, которые обуславливают способы коммуникации. Когнитивная ситуационная модель в терминологии автора – это «специфический вид структурной организации знания в памяти» [30. С. 68]. Тён ван Дейк предлагает модель для анализа, учитывающую когнитивные, прагматические и текстовые показатели [30. С. 21–31].

Приведенные теоретические основания позволили сформулировать основные критерии для анализа НЮД и представить модель, которая когерентна представлениям о дискурсе, выработанным в рамках критического дискурс-анализа [31. С. 116]. При разработке модели, содержащей параметры неофициального юридического дискурса, мы частично опираемся на модель, представленную в трудах Т. ван Дейка, но в соответствии с поставленными целями и задачами исследования и специфическим материалом, обобщаем контекстные и прагматические параметры, представив их как единый уровень, соотносящийся с социальным и коммуникативным измерением (таблица).

Модель анализа неофициального юридического дискурса

Уровень	Параметр
Социально-коммуникативный	Статус/социальная роль участников
	Взаимоотношения участников
	Профессиональные действия
	Хронотоп
	Объекты
	Репертуары тем
Текстовый	Мнения, оценки
	Форма речи (устная/письменная)
	Жанровые характеристики
	Стилистические: синтаксические, семантические, морфологические, фонетические характеристики

Уровни представленной модели находятся в иерархичных отношениях, социальное измерение и коммуникативные установки определяют текстовую реализацию: стилистическое, жанровое оформление,

выбор тех или иных языковых структур. Тён ван Дейк справедливо замечает, что «за каждым типичным социальным контекстом закреплён набор возможных фреймов, которые в свою очередь задают множество позиций, функций, свойств и отношений для участников коммуникации – членов социума» [30. С. 38]. Коммуникация (трактуемая как совокупность речевых актов) «является составной частью социального взаимодействия» и определяется единицами более высокого уровня» [30. С. 22]. Однако именно анализ текстового уровня даёт возможность описать социально-коммуникативный. В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу корпуса текстов интернет-коммуникации юристов для определения степени реализации социально-коммуникативных параметров.

Итак, мы квалифицируем НЮД в сопоставлении с соответствующим профессиональным юридическим дискурсом. Исходя из принципа «фамильного сходства», отнесение текста к НЮД возможно при выполнении двух условий: 1) он должен реализовать как минимум одну из категорий, составляющих социальное и коммуникативное измерение когнитивной модели профессионального юридического дискурса (тема, участники, действия, объекты, ситуация, место, оценки); 2) при этом он может значительно отклоняться от стереотипных форм и способов выражения на текстовом уровне от шаблонов официального дискурса.

Ведущим методом в исследовании является дискурс-анализ, включающий стандартные приемы коммуникативно-прагматического и семантического анализа; контент-анализ, семантическими категориями которого выступают параметры социально-коммуникативного уровня модели, а единицами – их типичные лексические маркеры.

Корпус эмпирического материала исследования

Отбор материала осуществлялся в профессиональных юридических группах в социальных сетях Instagram, Facebook: юридические новости (advgazeta – адвокатская газета), (fra_rf – Федеральная палата адвокатов); юридический форум (juridicheskiy_forum – всероссийский юрфорум), iur_hack. Профессиональных группах в Facebook: «Адвокаты и юристы», «Московский клуб адвокатов», «Адвокаты шутят». Личных профилях профессионалов и юридических фирм (tvoye_pravo63, kosnyrevaanna, legal_spb, legalsb.ru, evs44 Вадим Еременко, jurist_suhovoy, iustvesko, pishchaev.praveks – адвокат Пищаев Вадим – юристы и юридические фирмы; Личных профилях юристов и адвокатов (_legal_aid_voen.com_ военный юрист, advokatshashkin – Денис Шашкин: арбитраж, advokat.podolskiy – адвокат Дементий Подольский, юридическая помощь, представительство в суде, drakinaolga – юрист, Москва, shergina.victoria – юрист, финансовый советник (блог про законы и безопасные инвестиции) advocat.murat.mustafin, advocat_anna_shinke – эксперт по гражданскому праву, интернет-адвокат; v.aldokhin – адвокат Виктор Алдохин). Основным критерий отбора – соответствие тематике юридического дискурса. Сформированный корпус включает в себя интернет-мемы; нарративы,

представляющие описание случаев из профессиональной практики, рассмотрение проблемных ситуаций с точки зрения права; советы экспертов, включающие указание на порядок действий, интерпретацию и разъяснение законов и прав для широкого круга адресатов. Размер выборки составил 300 текстов различных по протяженности, стилистической и жанровой принадлежности (в тексте статьи в качестве иллюстративного материала приводится только один тип текстов – интернет-мемы. – А.Х., Н.М.).

Результаты анализа текстов НЮД в соответствии с параметрами представленной модели

Контент-анализ исследуемого корпуса текстов показал, что в нем представлены все категории когнитивной модели профессионального юридического дискурса: социальные роли участников, взаимодействие участников, мнения и оценки, профессиональные действия, хронотоп, объекты и тематический репертуар.

Уже на этапе сбора данных было выявлено, что **тематика** ЮД находит непосредственное соответствие в репертуаре тем неофициального формата коммуникации, так как именно этот критерий был основным при отборе материала. Этот аспект получил отражение в работах [34–36] Специфика реализации данной категории состоит в том, что при тематическом сходстве были обнаружены значительные различия в стилистическом, жанровом выражении, обусловивших, в свою очередь, выбор языковых единиц от соответствующих высказываний. Сравним, например, фрагменты двух текстов, представляющих юридический (1) и неофициальный юридический дискурс (2):

- (1) *О превышении пределов необходимой обороны;*
- (2) *Как не «сесть» за превышение необходимой обороны?*

Во втором заголовке, соответствующем НЮД, используется перен. разг. «сесть» в значении «подвергнуться заключению, лишению свободы» [37]. На синтаксическом уровне в тексте НЮД то же самое высказывание выражено в форме вопросительного предложения, что указывает на активный диалог с читателем. Далее в тексте ЮД дается разъяснение понятия: *«Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, предполагает, что виновный действовал, имея право на необходимую оборону, однако превысил ее пределы»*, при этом используются: причастный оборот, девербаты, сложные предложения в соответствии с нормой юридического дискурса. В тексте НЮД представлен разговорный вариант: *«Для начала нужно пояснить: отвечать насилем можно только на сопоставимое насилие. Например, если вас толкнули в автобусе, а вы за это ударили человека ножом – это не оборона. Необходимой обороной считается нанесение вреда агрессору, действия которого угрожают жизни и здоровью – вашему или третьего лица»*. Дано развернутое пояснение: *«для начала нужно пояснить»*, с объяснениями и примерами из бытовой сферы, используются простые предложения, разговорные глаголы (*толкнуть, ударить*).

Лексический состав текстов НЮД, в целом, неоднороден, в отличие от ЮД представлены лексические слои, характерные для общенационального языка: термины профессионального юридического дискурса (*иск, взыскание ущерба, претензия, договор, взыскать*); нейтральная лексика, разговорно-просторечная лексика и коллокации (*не видели в упор, нас они послали, сотню штук, земля его не носит, на испуг, пи-сулька*); профессиональный жаргон (*платежка*).

Распределение остальных категорий представлено на рис. 1.

Как можно видеть, наиболее активно реализуемый параметр – социальная роль. Подобное распределение представляется вполне убедительным, так как одним из наиболее важных параметров дискурса, по мнению М. Фуко, выступает его субъект, идентифицируемый в первую очередь с социальной ролью [38]. Большое внимание механизмам дискурсивной организации идентичности уделяется в теории Лакло и Муфф, согласно которой каждый субъект занимает определенную позицию, диктуемую разными, порою конфликтующими дискурсами, именно отождествление индивидуума с определенной позицией в структуре дискурса определяет его идентич-

ность [31. С. 80]. Дискурс конституирует субъекты, объекты и социальную практику, а «идентичности сконструированы на базе различных, изменчивых дискурсивных ресурсов – таким образом, они рациональны, незавершенны и нестабильны, но не полностью открыты» [31. С. 189]. Профессиональная идентичность рассматривается как разновидность социальной, и выражает, с одной стороны, представление человека о своем месте в профессиональном сообществе, с другой стороны, о месте своего профессионального сообщества в системе социальных отношений [39]. При этом анализ корпуса дал представление о том, что категории могут быть задействованы как единично, так и комплексно в различных комбинациях, определяемых фреймовыми структурами, связанными с различными аспектами профессиональной деятельности юристов.

Рассмотрим далее представленные в корпусе параметры.

Статус/социальная роль участников. Категории участников юридического дискурса (всего 179) представлены в НЮД достаточно широко и обусловлены социальной ролью. В корпусе были выявлены социальные роли, представленные на рис. 2.

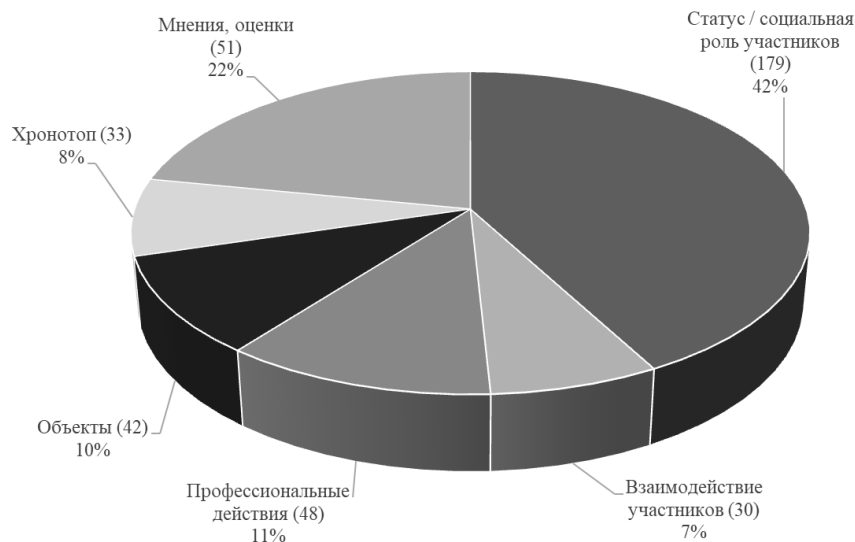

Рис. 1. Количественное распределение категорий в корпусе

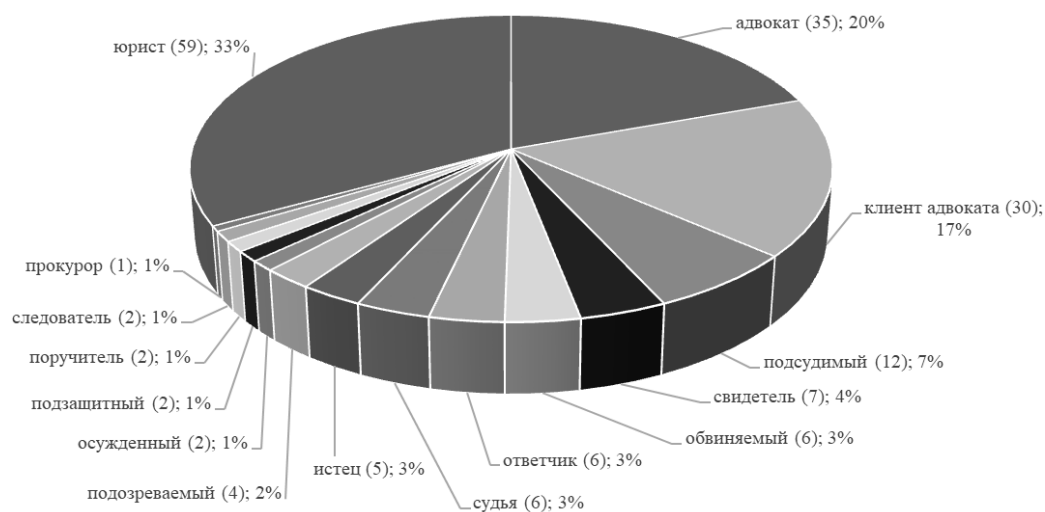

Рис. 2. Количественное распределение социальных ролей участников

Как можно убедиться, в неофициальном юридическом дискурсе наиболее объемно реализованы роли *юриста, адвоката и клиента адвоката*, что дает основание считать их ядерными, другие субъекты имеют статус периферийных. Специфика данной категории состоит в том, что она дает возможность на основе фреймовой структуры «субъект дискурса» воссоздать другие «невывраженные» элементы и идентифицировать их с более обширным профессиональным юридическим контекстом. Мы верно интерпретируем ситуацию и надстраиваем недостающие элементы: место – суд, действие – судебный процесс, успешный/неуспешный результат действия.

Профессиональная идентичность, как и другие ее виды, зачастую дискурсно реализуется посредством оценок, определенных стереотипных установок, формиру-

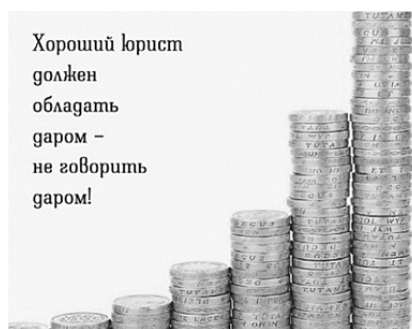

Рис. 3. Социальная роль «юриста»

В обоих случаях актуализируется одно из базовых качеств профессионального статуса – высокая стоимость услуг, оказываемых в рамках профессиональной деятельности. При этом выстраивается оппозиция: «качественный» субъект дискурса – высокооплачиваемый vs «некачественный» субъект дискурса – низкооплачиваемый, бесплатный. В первом случае эксплицируется оценка (*хороший*) и свойство субъекта (*не говорить даром*). Во втором эксплицировано дискурсивно неприемлемое свойство субъекта (*бесплатный*), имплицитно противопоставленное необходимому – оплачиваемый. Дискурсивная неприемлемость свойства *бесплатный* реализована на фоне ситуации, представляющей профессионально неприемлемое действие – *поможет отнести вещи в камеру*, так как профессиональная задача адвоката как субъекта профессионального дискурса – обеспечить, чтобы его подзащитный не попал в камеру. Номинация *камера* актуализирует фреймовую структуру, связанную с одним из дискурсивно маркированных локусов – тюрьмой.

Таким образом, выраженность определенной социальной роли участника позволяет соотнести все высказывание со стереотипными ситуациями профессионального общения, стереотипными представлениями и более широким профессиональным контекстом. Приведенный анализ и умозаключения вполне подтверждаются теоретическими и эмпирическими данными, представленными в работах Т. ван Дейка в том, что текстовые репрезентации не совпадают с моделью, они «обеспечивают фоновое знание для понимания дискурса» [30. С. 101].

ющих идеологию, создаваемых индивидуумами в процессе профессионального взаимодействия [31]. Как писал М. Фуко, «идентичность всегда относительна: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то, чем не является» [37. С. 84]. Поэтому ключевым понятием для анализа выступает противоречие как показатель категориальной оппозиции, которое находит свое материальное выражение в ряде оппозиций, представленных широким спектром языковых средств, с помощью которых эти противопоставления актуализируются в дискурсе. В рамках нашего материала функция такой оппозиции состоит в экспликации неприемлемых для субъекта дискурса свойств, нивелирующих его профессиональные качества. Например, на рис. 3, 4 представлены интернет-мемы, в тексте которых эксплицитно выражены субъекты дискурса – юрист и адвокат.

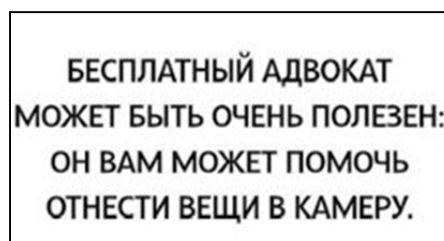

Рис. 4. Социальная роль «адвоката»

1. **Мнения, оценки.** 51 высказывание из выборки содержит эксплицитную оценку. Этот параметр тесно связан с ценностями дискурса: они выражаются, как правило, с помощью положительной оценки. Отрицательная оценка маркирует недопустимые действия, характеристики. При этом оценка является ведущей стратегией идентификации субъекта. Например, на рис. 5 представлен интернет-мем, содержащий эксплицитную положительную оценку категории «юрист» (*великолепный*), хотя при этом не обозначен оцениваемый признак и оценка носит общий характер. Несмотря на организацию высказывания в виде оксюморона, можно говорить о стратегии прямого оценивания.

На рис. 2 также представлен вариант эксплицированной оценки (*хороший, дар*), но в этом случае оцениваемый признак – умение продавать свои услуги, при этом высокая стоимость юридических услуг выступает как принципиально важная аксиологическая составляющая дискурсивной идентичности субъекта.

Оценка может быть выражена образно, с опорой на позитивный образ, даже зооморфный (см. рис. 6). В этом случае она реализуется имплицитно посредством номинации социально одобряемого действия: *спасают утопающих*. Образ дельфина считается в европейской культуре позитивным и прочно ассоциируется с доброжелательностью, дружелюбностью и любовью к человеку.

Отметим, однако, что не всегда оценка может быть проинтерпретирована однозначно и одно и то же качество, например, желание получить финансовую прибыль, оценивается амбивалентно. На рис. 7, 8 представлены мемы, демонстрирующие латентную негативную оценку юристами субъектов своего дискурса.

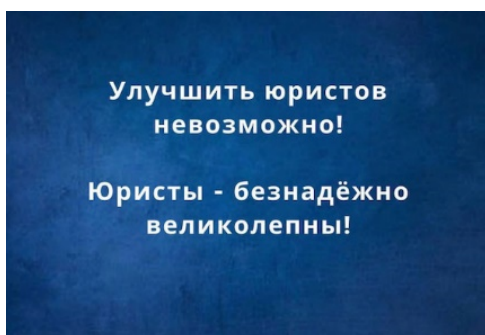

Рис. 5. Оценка роли «юрист»

Рис. 6. Оценка роли «юрист»

Рис. 7. Оценка роли «судья»

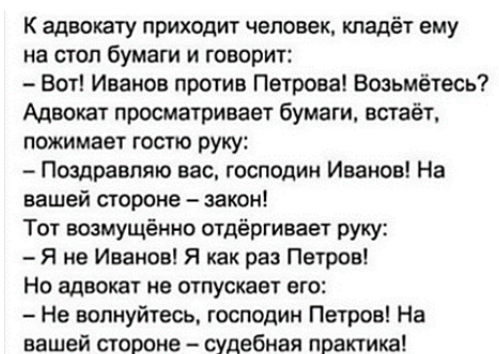

Рис. 8. Оценка роли «адвокат»

На рис. 7 изображен судья с занесенным судебным молотком, ниже находится текст, представляющий его реплику. При этом реплика, с одной стороны, соответствует системе дискурсивных формул, связанных с речевым поведением судьи, с другой – противоречит им за счет замены глагола *сказать* глаголом *заплатить*. Профессиональная норма требует, чтобы эффективность и результативность работы судьи не зависели от финансового вознаграждения со стороны подсудимых. Нарушение этой нормы свидетельствует о несоответствии субъекта профессионального дискурса необходимым требованиям. На рис. 8 представлен интернет-мем, содержащий только вербальную информацию. Текст описывает ситуацию взаимодействия адвоката с клиентом, в которой адвокат проявляет профессионально одобряемую, но этически неприемлемую беспринципность, связанную с необходимостью удержания клиента. Оценка реализуется, во-первых, на основе качественного «сдвига» базово-

го сценария на противоположный, в котором субъектом неожиданно становится другой участник, вскрывается недоразумение; во-вторых, диалогичности, в процессе которой раскрываются истинные намерения и позиции участников коммуникации.

Анализ показывает, что аксиологическая рефлексия представителей профессионального сообщества направлена по преимуществу именно на соответствие нормам профессионального поведения. Именно они и являются основными ценностями дискурса. В результате вскрываются стереотипные оценки субъектов дискурса, являющиеся частью когнитивной модели и известные носителям языка: продажность судьи (рис. 7), находчивость и беспринципность адвоката (рис. 8). В целом, в соотношении оценок можно говорить о том, что оцениваются по преимуществу именно профессиональные качества, в меньшей степени – личные. Кроме того, в область оценки попадает язык юристов и гендерный аспект (см. рис. 9, 10).

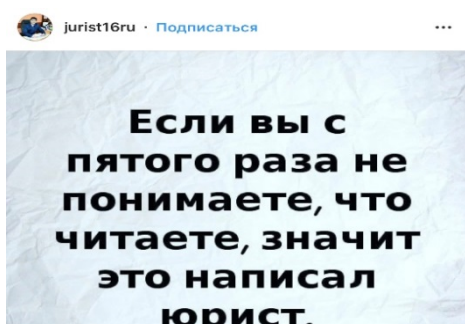

Рис. 9. Оценка языка

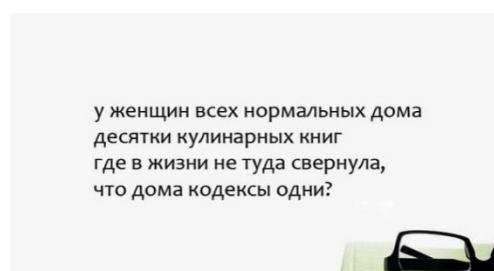

Рис. 10. Оценка гендерной принадлежности и профессиональной роли

Если говорить о качестве оценки, то в представленной выборке наблюдается следующее распределение: чаще всего оценка амбивалентная, она представлена в половине случаев. Негативная и позитивная оценка представлена в равном количестве случаев. Такое распределение свидетельствует об одновременном понимании специфики профессиональных качеств и их неприемлемости в обычной жизни и, наоборот, этических норм профессии, ее сложности и необходимости в современном обществе.

2. Профессиональные действия. Спецификой юридических действий, на которую указывают исследователи, является их прогнозируемость и непосредственная связь с социальным статусом субъекта и его социальной ролью [20. С. 56]. Эта категория отражена в 48 текстах. В рамках представленной модели действие занимает главенствующую роль, поскольку в силу предикативности наиболее исчерпывающе передает информацию о ситуации, в которой осуществляется действие, позволяет дополнить другими элементами, такими как характер действия, субъекты, объект, цели, хронотоп.

В рамках категории действий можно выделить подкатегории, например *процессуальные действия*: допрос

свидетеля, экспертиза, апелляция и т.д. В выборке представлены как позитивные действия: *взыскание неустойки, защита прав, подача/удовлетворение иска* (см. например, рис. 11), так и негативные, вернее, неисполнение или ненадлежащее исполнение профессиональных действий: *мошенничество, нарушение прав, пропуск срока исковой давности* (рис. 12). Количественный анализ выборки показывает, что в большей части случаев (40) представлены позитивные профессиональные действия.

3. Объект дискурса. Объекты юридического дискурса представлены в 42 текстах. Это преимущественно юридические акты и документы: повестка в суд, доказательства, заявление, уголовный кодекс, завещание, договор, закон, права и обязанности (например, рис. 13).

4. Хронотоп. Хронотоп, представленный в НЮД, практически совпадает с хронотопом ЮД в описании Л.А. Борисовой, которая соотносит его с обстановкой, характерной для правового диалога. Среди наиболее характерных мест для устной юридической коммуникации, исследователь называет: Парламент, зал судебных заседаний, кабинет юриста, полицейский участок [21. С. 136]. В корпусе НЮД нами были выявлены следующие **традиционные места** (рис. 14).

Рис. 11. Позитивное профессиональное действие

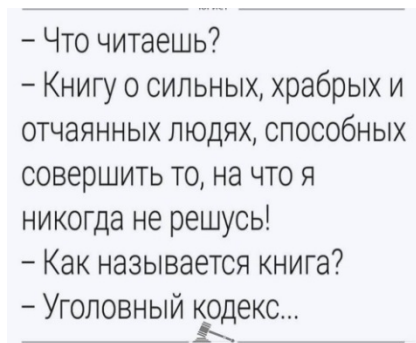

Рис. 13. Объект дискурса

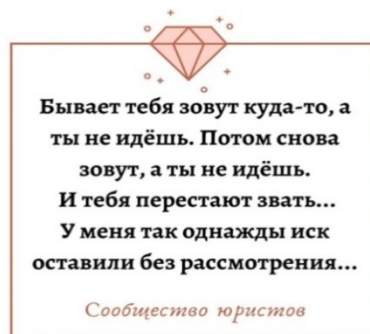

Рис. 12. Негативное профессиональное действие

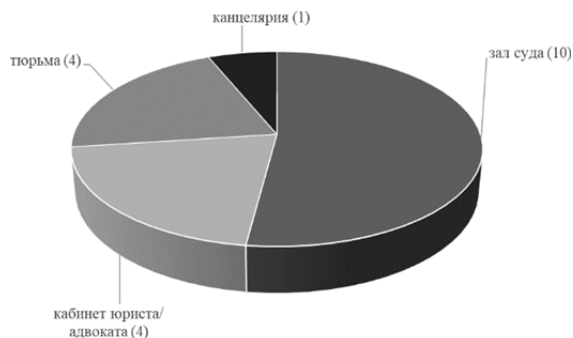

Рис. 14. Топос дискурса

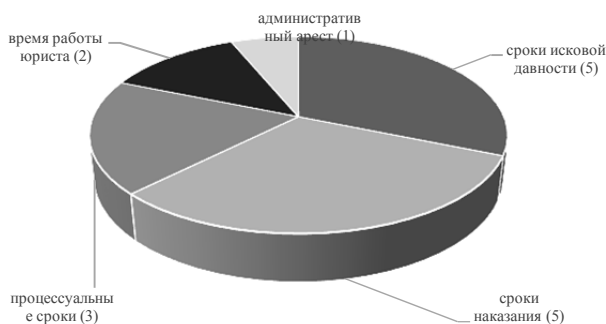

Рис. 15. Время дискурса

Рис. 16. Время дискурса

Время НЮД представлено следующими специфическими категориями (рис. 15, 16).

5. **Взаимодействие участников.** Эта категория представлена в различных комбинациях, однако все

они отражают взаимодействие в профессиональной коммуникации. Количественно взаимодействия в корпусе представлены следующим образом (рис. 17).

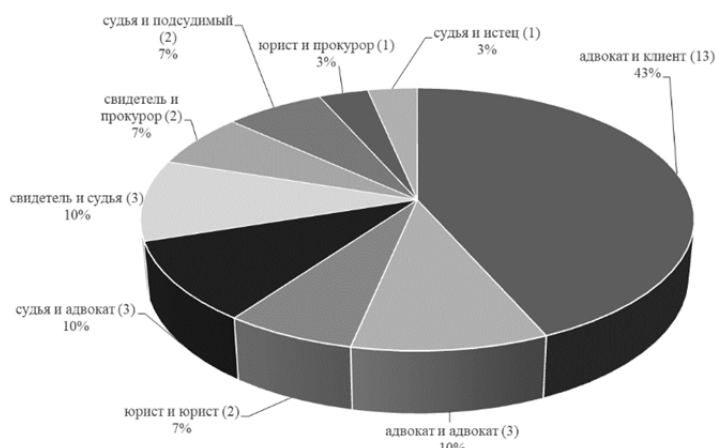

Рис. 17. Количественное распределение вариантов взаимодействия участников

— *Никогда не жалею о том, что сделал, если в этот момент ты был по-настоящему счастлив.*
— *Извините, но адвокат Вы так себе.*

Рис. 18. Взаимодействие «адвокат-клиент»

Рис. 19. Взаимодействие «адвокат – клиент»

Рис. 20. Взаимодействие «адвокат – клиент»

Наиболее часто в корпусе представлено взаимодействие адвоката и клиента, при этом, как правило, акцентируются либо слабые профессиональные качества адвоката, либо желание клиента получить бесплатную консультацию (рис. 18–20). В последнем случае взаимодействие это пропекает как вербальное состязание, целью которого выступает финансовое вознаграждение.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках НЮД отражаются практически все формы дискурсивных взаимодействий его участников. Однако специфичным является фокусирование на отношениях адвокатов (агентов дискурса) и клиентах (клиентах дискурса).

Заключение

Итак, взгляд на дискурс со стороны более высоких уровней организации позволил абстрагироваться от текстовой составляющей, что дает возможность рассматривать совокупность разных по жанровым, стилистическим и лингвистическим особенностям тексты как составляющие единого дискурса.

К базовым и независимым категориям, которые могут быть выражены единично и не требуют обязательного присутствия других категорий, можно отнести тематическое содержание, социальные роли участников и объекты. Наиболее выраженными и самодостаточными выступают категории «Тематический репертуар» и «Социальные роли участников», именно они подчиняют и выстраивают отношения с другими категориями. В рамках категории «Социальные роли» наиболее объемно представленными и разработанными являются *юрист*, *адвокат* и *клиент*, что дает основание считать их ядерными («прототипическими»). Другие категории, такие как взаимодействия участников, мнения и оценки, хронотоп являются субординатными.

Профессиональные действия непосредственно зависят от социальных ролей субъектов, прогнозируемы и количественно ограничены. В то же время в рамках представленной модели категория «Профессиональные действия» играет главенствующую роль, поскольку в силу предикативности наиболее исчерпывающе передает информацию о модели, позволяя дополнить модель недостающими элементами, таки-

ми как характер действия, субъекты, объект, цели, хронотоп.

Соответствие тематического репертуара НЮД с репертуаром ЮД, на наш взгляд, является эмпирическим доказательством существования более высоких уровней организации информации и ее категоризации. Для каждого текста НЮД, несмотря на значительные отклонения на всех уровнях языка, не составило труда найти эквивалентное тематическое соответствие в профессиональном юридическом дискурсе. При этом план выражения не соответствует нашим ожиданиям в жанровом, стилистическом, прагматическом, стилистическом и лексическом плане. На текстовом уровне в НЮД перечисленные категории юридического дискурса реализуются иначе, в корне отличаясь от при-

нятых шаблонов в юридическом профессиональном дискурсе.

Таким образом, отвечая на вопросы, поставленные ранее, можно констатировать, что в случае юридического дискурса связь между официальной и неофициальной разновидностью прослеживается на уровне тематического и субъекта как базовых, прототипических параметров. Реализация остальных параметров носит факультативный характер. В качестве оснований для типологии могут выступать параметры социально-коммуникативного уровня. Именно они позволяют выйти за пределы «поля высказываний» к взаимодействию субъектов профессионального дискурса и «уловить высказывание в ограниченности и единичности (*singularité*) его события [38. С. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. Sarangi S., Roberts C. Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings // Walter de Gruyter (Language, Power and Social Process Series). 1999. 530 p.
2. Gotti M. Specialized Discourse. Bern : Peter Lang, 2003. 354 p.
3. Drew P., Heritage J. Talk at Work: Interaction in Institutional Settings // Studies in interactional sociolinguistics. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1992. 580 p.
4. Linell P. Approaching dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives // Impact: Studies in language and society. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1998. 330 p.
5. Mertz E. The language of law school: learning to think like a lawyer. Oxford University Press, USA, 2007. 308 p.
6. Kong K. Professional Discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 288 p.
7. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 145–149.
8. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: Соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
9. Наумова А.П. Институциональность профессионального дискурса переводчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 104–109.
10. Биче-оол Ч.В. Профессиональный и непрофессиональный дискурс: к определению понятий // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. Вып. 21. С. 25–29.
11. Елагина Ю.С. Специфика перевода терминов и профессионализмов в контексте профессионального дискурса программистов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 7 (195). С. 50–54.
12. Фельде О.В. Комическое в профессиональном дискурсе // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 210–211.
13. Казакова Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.
14. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 19 с.
15. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.
16. Богатырев А.В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
18. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика. 2011. С. 131–145. URL: <http://konference.siberia-expert.com/publ/>
19. Федулова М.Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 4. С. 47–59.
20. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1. С. 61–68.
21. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2016. С. 133–151.
22. Чернышев А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. С. 22–28.
23. Палашевская И.В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2010. № 6. С. 28–32.
24. Крапивкина О.А. Жанровое пространство юридического дискурса // Вестник ИргТУ. 2014. № 1. С. 218–225.
25. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16, № 3. С. 44–53. doi: 10.14529/ling190308
26. Мишанкина Н.А. Аспекты взаимодействия медиасреды и профессиональных сообществ (к постановке проблемы) // Вопросы журналистики. 2019. № 6. С. 45–59. doi: 10.17223/26188422/6/2
27. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ершова В.Е. Коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача в социальных медиа (на материале Facebook) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 73–82.
28. Волкова Е.В. Реализация информационно-просветительской стратегии врача в медиадискурсе социальной сети // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 15–24. doi: 10.17223/15617793/463/2
29. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шапуновского. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
30. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
31. Филиппс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.
32. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
33. Wenger E. Communities of practice: learning, meaning, and identity. Cambridge University Press, 1999. 318 p.

34. Хустенко А.А. Конструирование идентичности адвоката в неофициальном юридическом дискурсе // Русская речевая культура и текст: материалы XI Междунар. науч. конф. (Томск, 22–23 октября 2020 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2020. С. 79–87.
35. Хустенко А.А. Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса. Категория «тыжюрист» в аспекте профессиональной идентификации // Сервис Plus. 2021. Т. 15, № 2. С. 97–102. doi: 10.24411/2413-693X-2021-10211
36. Хустенко А.А. Новые формы профессиональной коммуникации юристов в медиасреде (на материале публикаций интернет-сообществ) // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 97–104. doi: 10.23951/1609-624X-2021-6-97-104
37. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000
38. Фуко М. Археология знания : пер. с фр. / общ. ред. Бр. Левченко. К. : Ника-Центр, 1996. 208 с.
39. Микляева А.В., Румянцев П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 8–47.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 декабря 2021 г.

Professional Discourse of Lawyers: Informal Forms of Communication (Based on Social Network Communities)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 89–100.

DOI: 10.17223/15617793/473/11

Anastasia A. Khustenکو, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khustenکو@tpu.ru

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Keywords: professional discourse; professional legal discourse; informal legal discourse; discourse analysis.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90049\20.

The article aims to describe the corpus of Internet texts functioning in professional communities and personal profiles of lawyers in social media, as part of an informal legal discourse. The theoretical background and methodology for this study are based on socio-constructivist and critical discourse analysis approaches. We define professional discourse in this study as a cognitive model that reflects extralinguistic parameters, is implemented in the form of professional practice, includes a set of verbal and non-verbal statements, constitutes the professional environment, and is constituted in other professional practices. For a text to qualify as belonging to informal legal discourse, it must meet the following criteria: 1) the text implements one of the categories that set up the social and communicative dimension of the cognitive model of professional legal discourse; 2) at the same time, the text can significantly deviate from stereotypical forms and ways of expression on the textual level. The leading approach applied is discourse analysis, which includes standard methods of communicative-pragmatic and semantic analysis, as well as content analysis, which provides semantic categories as parameters of the socio-communicative level of the model and units as typical lexical markers. The data include 300 texts of various styles and genres, constituting the content of professional legal groups on the Instagram and Facebook social networks: Internet memes, narratives representing the description of cases of professional practice. The data analysis revealed that the basic and independent categories, which can be expressed singly and do not require the presence of other categories, include thematic content and social roles of participants and objects. The most expressed and independent categories are “thematic repertoire” and “social roles of participants”, as they are the ones that subordinate and build relationships with other categories. Within the “social roles” category, the lawyer and client are the most widely presented and developed, which allows us to consider them nuclear. Professional actions directly depend on the social roles of the subjects, they are predictable and quantitatively limited. At the same time, within the framework of the presented model, the category “professional actions” plays a dominant role. This is because, by virtue of predicativity, it most exhaustively conveys information about the model and allows us to supplement the model with missing elements, such as the nature of the action, subjects, object, goals, time and place. The analysis revealed that the model of professional communication of lawyers is implemented incompletely in informal communication, based on the principle of “family resemblance”. This leads us to suggest the prototypical organization of discourse.

REFERENCES

1. Sarangi, S. & Roberts, C. (eds) (1999) *Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings* De Gruyter Mouton.
2. Gotti, M. (2003) *Specialized Discourse*. Bern: Peter Lang.
3. Drew, P. & Heritage, J. (1992) *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
4. Linell, P. (1998) *Approaching dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
5. Mertz, E. (2007) *The Language of Law School: Learning to think like a lawyer*. Oxford: Oxford University Press.
6. Kong, K. (2014) *Professional Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Beylinson, L.S. (2009) Professional discourse as the subject of linguistic investigation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science journal of Volgograd State University. Linguistics*. 1 (9). pp. 145–149. (In Russian).
8. Golovanova, E.I. (2013) Professional’nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional’noy kommunikatsii: Sootnoshenie ponyatiy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*. 1 (292). pp. 32–35. (In Russian).
9. Naumova, A.P. (2013) Institutionality of professional translators’ discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2 (18). pp. 104–109. (In Russian).
10. Biche-ool, Ch.V. & Pelevina, N.N. (2017) On woman’s image in Tuvian and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*. 21. pp. 25–29. (In Russian).
11. Elagina, Yu.S. (2016) The specifics of translation of terms and professionalisms in the context of professional programmers’ discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 7 (195). pp. 50–54. (In Russian).
12. Fel’de, O.V. (2011) The category of comic in professional discourse. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovanny vestnik*. 13 (21). pp. 210–211. (In Russian).
13. Kazakova, D.V. (2013) *Kategoriya komicheskogo v meditsinskom diskurse* [The category of the comic in medical discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

14. Kolesnikova, L.V. (2007) *Yuridicheskiy diskurs kak rezul'tat kategorizatsii i kontseptualizatsii deystvitel'nosti (na materiale predmetnoterminologicheskoy oblasti "Mezhdunarodnoe chastnoe pravo")* [Legal discourse as a result of categorization and conceptualization of reality (based on the material of the subject-terminological field "Private international law")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
15. Konovalova, M.V. (2008) *Global'nye kategorii kogerentnosti i intertekstual'nosti v yuridicheskom diskurse* [Global categories of coherence and intertextuality in legal discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
16. Bogatyrev, A.V. (2016) *Funktsionirovaniye figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse* [Functioning of intertext figures in modern legal discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
17. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
18. Kozhemyakin, E.A. (2011) *Yuridicheskiy diskurs kak kul'turnyy fenomen: struktura i smysloobrazovanie* [Legal discourse as a cultural phenomenon: structure and meaning formation]. *Yurilingvistika – Legal Linguistics*. pp. 131–145. [Online] Available from: <http://konference.siberia-expert.com/publ/>.
19. Fedulova, M.N. (2015) Legal discourse as a social, cultural and linguistic phenomenon: the levels of scientific interpretation. *Filologicheskie nauki v MGIMO – Linguistics & Polyglot Studies*. 4. pp. 47–59. (In Russian).
20. Kosonogova, O.V. (2015) Characteristics of discourse of law: boundaries, content, parameters. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social educational idea*. 1 (7). pp. 61–68. (In Russian).
21. Borisova, L.A. (2016) Legal discourse: general characteristics. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 14. pp. 133–151. (In Russian).
22. Chernyshev, A.V. (2016) Legal discourse and its main characteristics. *Slovo.ru: Baltiyskiy akcent – Slovo.ru: Baltic accent*. 2. pp. 22–28. (In Russian).
23. Palashevskaya, I.V. (2010) Juridical discourse genres: formats, scripts, texts. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologicheskie nauki" – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 6 (50). pp. 28–32. (In Russian).
24. Krapivkina, O.A. (2014) Genres of legal discourse. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 1. pp. 218–225. (In Russian).
25. Khomutova, T.N. & Shefer, E.A. (2019) Legal discourse: problems and perspectives of research. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika" – Bulletin of the South Ural State University. Series: linguistics*. 3 (16). pp. 44–53. (In Russian). DOI: 10.14529/ling190308
26. Mishankina, N.A. (2019) Mass media content and professional communities' interaction aspects (the problem statement). *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 6. pp. 45–59. (In Russian). DOI: 10.17223/26188422/6/2
27. Tubalova, I.V., Emer, Yu.A. & Ershova, V.E. (2019) Communicative strategies for promoting the professional image of a doctor in social media (based on Facebook). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/9
28. Volkova, E.V. (2021) Communicative tactics of the doctor's informational and educational strategy in the media text of the social network Instagram. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University journal*. 463. pp. 15–24. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/463/2
29. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Translated from English by I.B. Shapunovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
30. Van Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by V. I. Gerasimov et al. Moscow: Progress.
31. Philipps, L. & Jorgensen, M. (2004) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr.
32. Skrebtsova, T.G. (2011) *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektiy* [Cognitive Linguistics: Course of lectures]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
33. Wenger, E. (1999) *Communities of Practice: Learning, meaning, and identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Khustenka, A.A. (2020) [The discursive construction of lawyer identity in an informal legal discourse]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian Speech Culture and Text]. Proceedings of 11th International Conference. Tomsk. 22–23 October 2020. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI. pp. 79–87. (In Russian).
35. Khustenka, A.A. (2021) The idealized subject of legal informal discourse. "tyzhurist" in terms of professional identity. *Servis Plus – Service Plus*. 2021. 2 (15). pp. 97–102. (In Russian). DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10211
36. Khustenka, A.A. (2021) New forms of lawyers' professional communication in the media (analysis of internet communities content). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (218). pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-97-104
37. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
38. Foucault, M. (1996) *Arkhologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. Kiev: Nika-Tsentr.
39. Miklyaeva, A.V. & Rumyantseva, P.V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social Identity of a Person: Content, structure, mechanisms of formation]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University. pp. 8–47.

Received: 07 December 2021